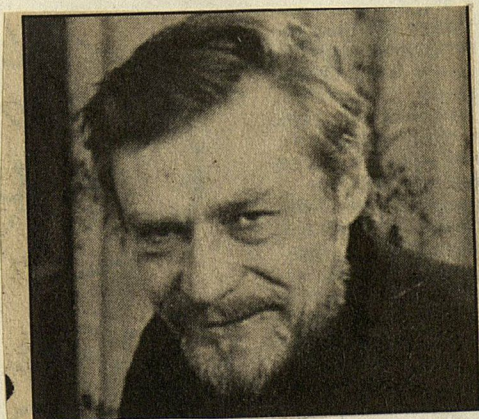

Михайлов Александр
Яковлевич

«Нет, я не царь, я волк, я пес...»

Безбожно опаздывая на спектакль, я с третьим звонком ворвалась в фойе Малого театра. Сбросив на ходу пальто, услышала вслед: «Бинокль возьмите, — чуть помедлив, женщина с особой теплотой добавила, — на Михайлова нашего посмотрите».

Шел спектакль «Смерть Иоанна Грозного». Я не критик и поэтому не берусь судить о постановке в целом. Что же касается царя Иоанна IV в исполнении народного артиста России Александра Михайлова, то этот образ меня буквально потряс. Такую трактовку я видела впервые.

— Александр Яковлевич, роль Иоанна Грозного повлияла каким-то образом на вас, на вашу судьбу?

— Любая роль влияет на актера, все дело в степени этого влияния. Если говорить о воздействии классиков на меня, то таковых было три. Первым стал Чехов. В шестьдесят третьем году я случайно попал на спектакль «Иванов» и заболел театром навсегда. Вторым был Достоевский. Им я увлекся в двадцать один год. И чем глубже погружался в судьбу писателя и его героев, тем острее ощущал, что нахожусь на грани срыва. Все-таки к этому автору надо подходить с определенным жизненным багажом. И последним «влиятельным» лицом стал царь Иоанн Грозный. Его образ я собирал по крупицам. Ездил в храмы, в Александровскую слободу, где происходили все события драмы; изучил много документов. Чем ближе я его узнавал, тем важнее становилось для меня показать зрителю человека, который умел не только головушки рубить.

— Не только рубил, но еще и развратничал, пытал, унижал...

— Не отрицаю этого полностью. Но! Этот жуткий портрет создан исключительно на основании работ послереволюционных историков, мнений иностранных ученых и писем Курбского. Судить о Грозном будем только тогда, когда найдется царская библиотека. Нельзя и слепо верить всему, что написал Алексей Толстой. Безусловно, я не могу и не хочу сегодня спорить с классиком.

— Но ведь спектакль поставлен по его произведению?!

— Да, от текста далеко не уйдешь. Но мне хотелось показать не кровожадного властолюбца, а человека, который раскаивается в своих грехах. Помните, как он мучается: «Я не царь, я волк, я пес смердящий, — и далее, — мой сын, убитый мною... Я Каина злодейства превзошел». Жестче, чем он сам, никто его другой не смог бы наказать. Иоанн IV был истинно верующим человеком, который не просто насаждал на Руси православную веру, а вел к ней людей своим примером. Он, между прочим, писал замечательную духовную

музыку, пел в хоре. Был одним из самых образованных людей в Европе. И Русь при Иоанне Васильевиче не расчленилась, а воссоздавалась.

— Чувствую, что с историей вы на дружеской ноге.

— Я стараюсь прикоснуться к истории. Не равнодушен я к прошлому России. Когда вникаю в исторические глубины, невольно возникает параллель между царями прошлого и правителями настоящего. Причем не в пользу последних. Разумеется, я не считаю, что возврат к царизму — то, что нам сейчас необходимо. Но у власти должен быть человек с «царем» в голове — это факт. И с Богом в душе...

— Раз уж заговорили о политиках, скажите, вам нравятся спектакли, разыгрывающиеся сегодня на политических сценах?

— Мне грустно. Я печалюсь и страдаю оттого, что идет война, на которую наши дети вынуждены идти, как на Голгофу. Мне страшно, что мы на грани гражданской войны. Впрочем, на юге она уже вовсю идет. Когда ото всей этой действительности мне становится невмоготу, я ухожу в классику или историю. Уверен, что восемьдесят процентов наших политиков никогда не обращались к истории. Жаль. Она может дать ответы на многие вопросы.

— Александр Яковлевич, вы раз в месяц работаете на сцене в образе царя, а самому вам никогда не хотелось получить власть?

— Никогда. Желание власти над человеком — это болезнь. Властвовать — значит унижать, наступать через человеческое достоинство, через истину, стыд и красоту. А для меня сверхзадача — участвовать в созидании.

— А власть искусства не привлекает?

— Много об этом думал. Это власть особая. Когда я выхожу на сцену, я чувствую, что должен приподнять зрителей над бытом, увести его к чему-то более возвышенному. И когда мне это удается и я слышу, как «поет комар», то ощущаю прекрасную ауру, которая возникла между мной и зрителями. Пусть это секунды, но и их достаточно. Вот я за такую власть.

— Однако вы не только театральный актер, много в кино снимаетесь. Вам самому нравится смотреть на себя в экране?

— Давно уже не снимался. Одно время много современных ролей приносили. Иногда по три-четыре роли в месяц, но все они какие-то дешевые, с элементами порнушки. Отказывался. А когда на экране смотрю на себя, то постоянно нервничаю. Материал отснят, наштампован, и ничего сделать уже нельзя. А я начинаю чувствовать: здесь надо было иначе сработать, тут промахнулся; а вот там совсем никуда не годится.

— Домашние вас критикуют?

— Бывает. Да так, что обстановка дома начинает накаляться. Прислушиваюсь, конечно, к их советам. Но хочется, чтобы хоть дома пощадили. Мало того, что критики не жалуют, сам собой доволен не бываю, а тут еще родные на промахи указывают. Но, к счастью, с годами у нас в семье стало появляться все больше и больше точек соприкосновения. Я этому рад. Знаете, у Рахманинова есть такое выражение: «Жена должна говорить три фразы: ты гений, гений и еще раз гений».

— Жена и сын имеют отношение к искусству?

— Прямое. Вера работает в пресс-центре Союза кинематографистов. О кино и театре знает больше, чем я. Сын окончил режиссерский факультет. Сейчас работает одним из ведущих на радио.

— Армейскую школу он у вас прошел?

— Отвечаю, как на духу, — прошел. Два года службы в ПВО.

— Что вы делаете с цветами, которые вам поклонники дарят?

— Женщинам отдаю. У нас замечательные гримеры, костюмерши, служащие. За мизерную зарплату они отдают нам свою душу и любовь. Что-то домой приношу — жену порадовать.

— С лишними килограммами спорт помогает бороться?

— Не только. Когда-то в юности, когда в ремесленном училище, баскетболом занимался. А вообще люблю легкую атлетику.

— Ну и биография! И рыбаком, как я слышала, были?

— Да. А в двенадцать лет в колхоз сбежал, чтобы принципком работать. В тринадцать из Забайкалья (моя родина) помчался поступать в Нахимовское училище. В Иркутске поймали. Мать потом полотноцем отлестала. Все куда-то рвалось. Потом морем заболел, когда во Владивосток переехали. Мне тогда года не хватило, чтобы в мореходку поступить. Вместо положенной отработки после окончания ремесленного я снова сбежал. На этот раз на рыболовецкое судно. Два года на Тихом океане ходил на рыбацких судах. А когда списался на берег, попал на чеховского «Иванова»...

— Кроме Малого, другие театры посещаете?

— А как же? Очень люблю на молодежь смотреть. Недавно ходил к Пете Фоменко, он со своими студентами поставил «Волки и овцы». Замечательно работали ребята. Смотрел на них и умилялся. Думал, вот бы мне так попробовать, потом понял, вряд ли: годы берут свое.

— Вы сердцеед?

— Нет, но очень люблю красоту. Мне нравится созерцать ее. К сожалению, часто за красотой скрываются пустота и примитив. А настоящее чудо может иногда прятаться за простенькой внешностью.

— А сами хотите нравиться слабому полу?

— В юности хотел. Длинный был, как меня только тогда не дразили: и Эйфелевой башней, и каланчой. Выведут меня друзья на танцплощадку, а я в угол забиваюсь, комплексую. Стеснялся своего роста и худобы. К счастью, сегодня я менее остро ощущаю эти комплексы. Очень важно верить в себя и свои возможности.

— В вашем роду существует заповедь, которая передается из поколения в поколение?

— Есть одна, от деда моего пошла. Звучит она несколько литературно, но для нас это действительно кодекс чести: «Отдай жизнь Отечеству, сердце — даме, душу — Богу, а честь сохрани себе».

Всего интервью — 1996 — 30 марта — с 22.